

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.22394/1682-2358-2025-2-120-132

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ЦИФРОВОЙ ОБРАЗ СУБЪЕКТА В ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Анатолий Борисович ЧИКВИН

*Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия
anatolle@mail.ru*

Аннотация. Целью публикации является преодоление терминологической неопределенности понятия «цифровой образ субъекта» (ЦОС) в праве через систематизацию существующих подходов и разработку универсального определения, интегрирующего юридические и технические аспекты. Рассматриваются пять концепций, доминирующих в научной литературе: «общий» (ЦОС как совокупность данных и IP-адресов); «учетная запись» (акцент на идентификационных данных в цифровых системах); «медиаподход» (визуальная репрезентация через фото- и видеоконтент); «аватар» (цифровые двойники в виртуальных средах); «оцифрованное сознание» (нейросети, имитирующие поведение).

Методология основана на анализе подходов (отсутствии критериев идентификации субъекта, рисков анонимности, несоответствии законодательства технологическим вызовам (дипфейки, синтетические голоса), сложности регулирования коллективных цифровых профилей).

Выявлены противоречия в техническом и правовом понимании ЦОС, конфликт между индивидуальной и коллективной субъектностью, а также неопределенность статуса синтетических образов. Для их разрешения предлагается авторское определение ЦОС как совокупности цифровых данных, создающих репрезентацию реального субъекта в цифровом пространстве. Подчеркивается, что ЦОС – не самостоятельный субъект права, но требует правовой защиты как объект, формирующий онлайн-идентичность и влияющий на автоматизированные решения.

В заключении обосновывается необходимость нормативного закрепления определения ЦОС, разработки механизмов идентификации субъектов и защиты от злоупотреблений, регулирования синтетических технологий. Это позволит создать правовую основу для адаптации законодательства к вызовам цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая личность, цифровой образ личности, цифровой субъект, цифровой образ субъекта, цифровая трансформация, цифровой след, цифровой профиль, субъект права.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чиквин А.Б. Цифровой образ субъекта в праве: проблемы определения понятия // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 2. С. 120–132. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-2-120-132>.

© Чиквин А.Б., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

DIGITAL IMAGE OF THE SUBJECT IN LAW: PROBLEMS OF THE CONCEPT DEFINITION

Anatolii B. CHIKVIN

*Ural Institute of Management of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Yekaterinburg, Russia
anatolle@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to overcome the terminological ambiguity of the concept of “digital image of a subject” (DIS) in law by systematizing existing approaches and developing a universal definition that integrates legal and technical aspects. The author analyzes five concepts that dominate the scientific literature: “general” (DIS as a set of data and IP addresses), “account” (emphasis on identification data in digital systems), “media approach” (visual representation through photo and video content), “avatar” (digital doubles in virtual environments) and “digitized consciousness” (neural networks that imitate behavior). The methodology includes a critical analysis of the limitations of each approach, such as the lack of clear criteria for identifying a subject, the risks of anonymity, the inconsistency of legislation with technological challenges (e.g. deepfakes, synthetic voices) and the difficulties of regulating collective digital profiles. Contradictions in the technical and legal understanding of the digital image system, the conflict between individual and collective subjectivity, and the uncertainty of the status of synthetic images are revealed. To resolve them, the author proposes a definition of the digital image system as a set of digital data that creates a representation of a real subject (an individual, legal entity, or public entity) in the digital space. It is emphasized that the digital image system is not an independent subject of law, but requires legal protection as an object that forms an online identity and influences automated decisions.

The conclusion substantiates the need for a normative consolidation of a single definition of the digital image system, the development of mechanisms for identifying subjects and protecting against abuse, including the regulation of synthetic technologies. These measures will create a legal basis for adapting legislation to the challenges of digital transformation, ensuring a balance between innovation and the protection of the subjects’ rights.

Key words: digital identity, digital image of identity, digital subject, digital image of subject, digital transformation, digital trace, digital profile, subject of law.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Chikvin, A.B. Digital Image of the Subject in Law: Problems of Concept Definition // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 2. P. 120–132. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2025-2-120-132>.

Введение. В научной литературе, посвященной проблемам цифровизации в праве, регулярно употребляется понятие цифрового образа личности, лица либо субъекта (ЦОС), под которым понимается репрезентация субъекта в цифровом пространстве. Существуют два подхода к исследованию ЦОС: в первом случае анализируются свойства, которые приобретает ЦОС реально существующих физических, юридических лиц и публично-правовых образований, во втором — исследуются явления цифровой среды, которые в определенных случаях обнаруживают некоторые признаки субъектности.

Большинство современных исследований посвящены ЦОС физических лиц, а их актуальность обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений, сопровождающейся появлением новых технологий (дипфейки, синтетические голоса, нейросети), которые формируют цифровые образы субъектов, не урегулированные действующим законодательством. Отсутствие единого юридического определения ЦОС приводит к правовым коллизиям: сложностям идентификации субъектов в цифровом пространстве, рискам злоупотреблений анонимными и синтетическими образами, а также неопределенности статуса коллективных цифровых профилей. Для адаптации законодательства к вызовам цифровой эпохи критически важно восполнить пробел в исследованиях с помощью системного подхода к интеграции технических и правовых аспектов ЦОС.

В процессе исследования впервые проведена систематизация концепций ЦОС («общий», «учетная запись», «медиаподход», «аватар», «оцифрованное сознание») с критическим анализом их ограничений, включая противоречия между техническим и правовым пониманием ЦОС; разработано универсальное определение ЦОС, объединяющее юридические и технологические аспекты, что позволяет отделить цифровую репрезентацию субъекта от его правосубъектности; обоснована необходимость нормативного закрепления ЦОС как объекта права, требующего защиты, а также предложены механизмы регулирования синтетических технологий, что формирует основу для баланса между инновациями и защитой прав субъектов.

Методологическую основу исследования ЦОС составляют критический анализ научной литературы (выявление и оценка подходов к определению ЦОС в трудах российских и зарубежных авторов); сравнительно-правовой метод (сопоставление ключевых концепций ЦОС с определением их юридических и технических противоречий); синтез междисциплинарных знаний (интеграция положений информационных технологий и юриспруденции для формулировки комплексного определения); нормативно-логический метод (разработка предложе-

ний по совершенствованию законодательства на основе выявленных пробелов).

Целью исследования ЦОС является систематизация существующих подходов к определению понятия «цифровой образ субъекта» в праве, выработка универсального юридического определения, интегрирующего технические и правовые аспекты, а также обоснование необходимости его нормативного закрепления для регулирования цифровых взаимодействий.

Исходя из поставленной цели, сформулированы следующие задачи:

- провести анализ ключевых концепций ЦОС, выявив их ограничения и пересечения с техническими категориями;
- определить основные проблемы, связанные с отсутствием консенсуса в понимании ЦОС;
- сформулировать авторское определение ЦОС, учитывающее его правовую природу;
- обосновать необходимость разработки механизмов правовой защиты ЦОС.

Теоретические основы: попытки классификации. Современная деятельность человека, организации, государства проявляется в цифровом пространстве в разнообразных формах: автоматизированные системы, банковские приложения, многопользовательские онлайн-игры, мессенджеры, видеохостинги, социальные сети и учетные записи в них. Эти явления цифровой среды отражают цифровой образ каждого субъекта, создают репрезентацию того или иного лица в цифровой среде.

Ученые расходятся во мнениях относительно названия этой репрезентации. В.О. Демкин, исследовавший разницу между понятиями «цифровая личность», «цифровой образ человека» и «цифровой профиль», рассматривает понятие «цифровая личность», во-первых, как набор данных о человеке, выраженных в цифровой форме; во-вторых, непосредственно как личность, обладающую правами в цифровом мире [1, с. 577]. Он подчеркивает, что понятие цифровой личности напрямую связано с правами человека в цифровой среде, например, правом на доступ к Интернету, правом на забвение, правом на переносимость данных. Следовательно, понятие «цифровая личность» применимо ко всем людям в той мере, в которой данные о них попадают в цифровую среду.

«Цифровой образ человека» В.О. Демкин определяет как совокупность данных о человеке, которые используются для автоматизированного принятия решений. Этот термин, по сути, обозначает цифровой слепок реальной личности. Согласно общепринятой тео-

рии, субъект представляет собой правовой слепок реальной личности [2]; соответственно, цифровой образ человека, сформулированный В.О. Демкиным, представляет собой «цифровой субъект» или то, что в данной статье обозначается как ЦОС. Уточним, что такое явление будет относиться к самому субъекту как часть к целому, но не как еще один субъект.

По мнению В.О. Демкина, «цифровой профиль» — это совокупность данных о человеке, используемых для взаимодействия с государственными и муниципальными органами, а также для управления персональными данными. Отличие цифрового образа от цифрового профиля состоит в том, что цифровой образ применяется при использовании технологий «больших данных», в то время как использование цифрового профиля носит индивидуальный, разовый характер.

Многообразие этих проявлений породило множество взглядов на то, что представляет собой ЦОС, и как наиболее верно определить его в юридическом смысле. Представленные точки зрения на правовую природу ЦОС можно условно классифицировать по применению пяти основных подходов.

Первый подход — «общий». Например, Т.Н. Подшивалов утверждает, что под ЦОС понимаются цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или «цифровом» образе и IP-адресе, к которому привязан компьютер, с которого совершены какие-либо действия в виртуальном пространстве [3]. Такое расплывчатое определение следует признать недостаточным. Во-первых, возникает проблема идентификации конкретного лица, поскольку наличие ЦОС не гарантирует, что он обозначает реально существующего субъекта. Подобная ситуация обусловлена возможностью создания в цифровом пространстве анонимных аккаунтов с целью осуществления как законной (написание произведений под псевдонимом), так и противоправной (мошеннической) деятельности. Во-вторых, определенные сложности связаны с возможностью создания ЦОС для юридических лиц и публично-правовых образований. В цифровом пространстве существует множество профилей и аккаунтов коммерческих организаций и государственных органов. Таким образом, простого указания персональных данных (имени, фамилии, даты рождения и адреса проживания) будет недостаточно, поскольку они вполне могут быть вымышленными. Представляется, что для признания массива данных ЦОС необходимо дополнить его другими данными, например, фото- или видеоизображениями, образцами голоса. Вопрос о перечне таких данных в рамках описанного подхода остается открытым. В.О. Пучков отмечал, что нормативные

конструкции, закрепленные в российском законодательстве, не содержат каких-либо правил, касающихся идентификации субъекта в цифровом пространстве [4].

Второй подход — «учетная запись». Сторонники этого подхода определяют ЦОС как учетную запись в электронной системе. Частным случаем такого подхода является аккаунт пользователя в социальной сети. Е.Е. Кирсанова отмечает основные характеристики ЦОС как учетной записи: она содержит идентифицирующую и / или контактную информацию, а также дополнительные данные в зависимости от свойств информационной системы [5]. Предполагается, что перечень таких данных носит открытый характер, поскольку учетная запись может быть создана не только в социальной сети, но и в интернет-магазине, и даже государственной информационной системе. Таким образом, понимание ЦОС в соответствии с этим подходом также представляется неполным.

Учетная запись представляет собой уникальный объект, в котором тесно переплетаются личные неимущественные и имущественные отношения. С одной стороны, он является средством проявления его правосубъектности, а с другой — он сам есть объект, на который направлены действия субъекта [6]. Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина и В.С. Федотова, анализируя вопрос о цифровой личности, которая формируется в результате взаимодействия человека с цифровой средой, уточняют, что цифровая личность — это не только отражение реальной личности в интернете, но и совокупность цифровых следов, которые формируют ее идентичность [7].

Исследователи отделяют понятие цифровой личности от понятия цифрового образа, который для краткости обозначают термином «цифровой портрет личности» и расшифровывают его как «человек в виртуальной реальности, его действия и информация о нем». Для разграничения этих понятий используется определение цифровой грамотности как совокупности знаний, навыков и умений, необходимых для эффективного использования цифровых технологий. Именно цифровая грамотность позволяет сохранить индивидуальность личности и фактически становится аналогом правоспособности в цифровом мире.

Цифровая личность — это человек, который создает цифровой образ, имеет цифровой профиль для реализации личных потребностей и гражданских прав. Таким образом, цифровой образ характеризуется не только субъектностью конкретного лица, но и наполняется множеством других признаков, именуемых «цифровым следом». Цифровой профиль в таком случае — не более чем учетная запись, уникальный

системный номер, который идентифицирует личность, но ей не является.

Третий подход — «медиаподход». В соответствии с этим подходом определение ЦОС базируется на понимании массива данных о человеке как совокупности фото- и видеоизображений. Такой вариант отстаивает, например, И.Г. Чернышенко, приводя ставший классическим пример дипфейка (deepfake) [8]. Генерируемый с помощью этой технологии ЦОС в настоящее время не закреплен в нормативных актах, его правовая природа неясна. Если отдельные изображения считаются простыми объектами, которыми их обладатель может распорядиться по собственному усмотрению, то их совокупность, обработанная программно-вычислительным способом, представляет собой сложный объект аналогично приведенному ранее примеру с учетной записью.

Медиаподход к определению ЦОС акцентирует внимание на визуальной составляющей цифрового следа человека, однако современные технологии выходят за рамки простого анализа фото- и видеоизображений. ЦОС формируется на основе не только визуальных данных, но и анализа текстовых сообщений, аудиозаписей, геолокационных данных и других цифровых следов, которые в совокупности создают многомерный портрет личности. Это демонстрирует недостаток медиаподхода и свидетельствует о необходимости расширения понятия ЦОС путем включения в него всех видов цифровых данных (цифровых следов), которые могут быть использованы для идентификации или характеристики личности.

Сложность использования этого подхода состоит в том, что современное законодательство не успевает за стремительным развитием технологий. Сегодня технологии позволяют не только создавать дипфейки реально существующих людей, но и генерировать синтетические голоса, тексты и даже поведенческие модели, которые могут быть использованы для формирования ложного цифрового образа в отсутствие самого субъекта. Соответственно, появляются новые правовые вызовы, связанные с реагированием на действия с подобными искусственными образами. В частности, возникает вопрос о квалификации действий, направленных на создание и распространение синтетических цифровых образов, особенно если они используются в противоправных целях.

Кроме того, важно учитывать, что цифровой образ личности может быть не только индивидуальным, но и коллективным. Например, в социальных сетях и других цифровых платформах формируются групповые цифровые профили, которые отражают поведение и предпочте-

ния определенных сообществ. Это требует разработки новых правовых механизмов, учитывающих как индивидуальные, так и коллективные аспекты цифровых профилей. В противном случае неизбежно возникновение правовых коллизий, связанных с использованием данных в интересах третьих лиц.

Более комплексно исследует ЦОС в рамках этого подхода Л.А. Петросян: она определяет понятие «цифровой образ личности» как виртуальное представление реального человека в цифровой среде, состоящее из совокупности данных, которые идентифицируют и описывают личность в онлайн-мире [9]. Цифровой образ личности, по мнению исследователя, включает в себя профили в социальных сетях, электронные письма, фотографии, видеозаписи и другие цифровые следы. Такой цифровой образ личности позволяет человеку создавать свою онлайн-идентичность, однако уязвим к различного рода злоупотреблениям, таким как утечка информации, кража личных данных и мошенничество.

Для преодоления проблемы Л.А. Петросян выносит на обсуждение концепцию «цифрового бессмертия», которая предполагает сохранение личности человека в цифровом пространстве после его физической смерти. Достичь этого можно одним из двух способов: первый рассматривает личность как совокупность данных, которые могут быть использованы для создания цифрового образа с помощью нейронных сетей; второй подход предполагает точное копирование личности человека в цифровой форме.

Предложенные Л.А. Петросян определения обладают следующими недостатками: во-первых, перечень цифровых следов, которые могли бы формировать цифровой образ, является открытым; во-вторых, не рассматривается вопрос субъектности человека в цифровом пространстве. Цифровой образ — это данные, существующие сами по себе; Л.А. Петросян не уточняет, каких именно данных будет достаточно для возникновения правоотношений посредством цифровой среды, уделяя внимание только вопросу противоправного использования цифрового образа, рассматривая дипфейки как частный случай, а также обращая внимание на проблемы защиты личных данных, гарантии приватности, установления границ использования персональных данных для коммерческих целей. В отличие от В.О. Демкина, акцентирующего внимание на данных для автоматизированных решений, Л.А. Петросян расширяет понятие ЦОС до виртуального представления личности, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к его определению.

Следует признать, что предложения по использованию медиаподхода в правовом определении ЦОС себя не оправдывают. Ученые де-

тально описывают составляющие цифрового образа и его возможные проявления, но не проводят различия между юридически значимыми и второстепенными цифровыми следами. Согласно медиаподходу, цифровой образ возможно создавать не только для реально живущих людей (как дееспособных, так и нет), но и для давно умерших, или даже вообще никогда не существовавших. В таком случае вообще нельзя говорить о формировании ЦОС, поскольку отсутствуют характеризующие субъекта признаки. Ограничения медиаподхода становятся особенно очевидными в контексте современных технологий, которые выходят за рамки простой визуальной репрезентации, формируя ложные цифровые образы.

Четвертый подход — «Аватар». По мнению В.В. Архипова, не каждый аватар может рассматриваться как ЦОС, а лишь тот, который обладает достаточными индивидуализирующими его характеристиками: в частности, определены внешний вид, характер, отличительные черты или другие особенности, в силу которых аватар является узнаваемым даже при его использовании отдельно от произведения в целом [10]. Под ЦОС можно понимать и аватар в многопользовательских видеоиграх, который определяется как цифровая репрезентация пользователя. Следовательно, аватар как ЦОС непосредственно связан с пользователем и уже не является простым объектом, который мог бы без последствий для себя сменить владельца.

В.И. Тищенко рассматривает проблемы, связанные с формированием виртуальной субъектности в условиях цифровизации. Человек посредством цифровых технологий создает своих виртуальных «двойников» — цифровые копии своей личности, которые существуют в онлайн-пространстве [11]. Эти «двойники» могут быть множественными, так как человек адаптируется к различным ролям и взаимодействиям в разных виртуальных сообществах. По мнению В.И. Тищенко, множественность цифровых «двойников» неизбежно приводит к «раздвоению» личности — ситуации, когда человек не может сохранить целостность своего «Я» в цифровом пространстве. Ученый анализирует различные концепции, предлагаемые для описания этой ситуации (например, «*homo informaticus*» и «субъект данных»), приходя к выводу, что цифровизация может привести к трансформации родовой сущности человека.

Согласно некоторым наиболее радикальным теориям, в условиях информационной среды человек становится «киберсуществом», чья идентичность определяется цифровыми данными, а не физическим телом. Однако проблема виртуального «удвоения» личности — это не просто вопрос создания моделей цифровой личности. Феномен

цифрового субъекта требует не только дать четкое определение ЦОС, но и исследовать соотношение человеческого бытия и сознания. Это более глобальная задача, которая выходит за рамки правовых исследований.

Пятый подход — «Оцифрованное сознание». Этот подход определяет ЦОС как нейросеть — программу, которая не только содержит данные физического лица, но и способна их обрабатывать, имитируя поведенческие реакции конкретного человека. Как отмечает Г.Э. Добрякова, такой ЦОС не будет субъектом правоотношений; однако за каждым из них стоит субъект (оператор или правообладатель), следовательно, ЦОС можно рассматривать как квазисубъекта, то есть фактически исполняемую волю настоящего субъекта [12].

Иная трактовка содержится в исследовании А.Е. Канаковой, рассматривавшей вопрос, существует ли цифровая личность как самостоятельное явление или она является лишь продолжением реальной личности человека в цифровом пространстве. Автор различает понятия «цифровой образ» и «цифровая личность»: цифровой образ — это совокупность данных о человеке, созданная в цифровой среде, используемая для упрощения взаимодействия в виртуальном пространстве, а цифровая личность может существовать только с помощью искусственного интеллекта, обладающего автономностью и способностью к самообучению [13].

Таким образом, А.Е. Канакова приходит к выводу, что цифровая личность может быть создана не только для реально существующего человека, но и для вымышленного персонажа. Признать субъектность абстрактной цифровой личности не позволяет современная нормативная база, но возможно разработать соответствующее правовое регулирование.

Результаты и обсуждение. Несмотря на активное использование понятия ЦОС в научной литературе, его правовая природа остается неопределенной. ЦОС пересекается с техническими понятиями, что затрудняет его юридическую квалификацию и регулирование. В научной литературе отсутствует консенсус относительно того, что именно следует понимать под ЦОС, что затрудняет систематизацию знаний и разработку правовых норм.

ЦОС не всегда атрибутирует реально существующего субъекта, что создает сложности в правоприменительной практике. Например, анонимные аккаунты или синтетические цифровые образы (дипфейки) могут использоваться для противоправных действий или анонимного творчества. Современное законодательство не успевает за развитием технологий, что приводит к отсутствию четких правил идентификации

субъектов в цифровом пространстве, защиты их данных и регулирования использования синтетических цифровых образов.

Существует противоречие между техническим и юридическим пониманием ЦОС: ЦОС часто рассматривается как техническое понятие, что затрудняет его интеграцию в правовую систему. Юридическая квалификация ЦОС требует четкого определения его правовой природы, пока отсутствующего.

Противоречие между индивидуальным и коллективным ЦОС заключается в том, что цифровой образ может быть как индивидуальным (например, профиль в социальной сети), так и коллективным (групповые цифровые профили). Это создает сложности в определении правового статуса таких образов и их регулировании. Коллективные цифровые профили, отражающие поведение групп, ставят вопрос о границах субъектности: может ли ЦОС, созданный для сообщества, обладать признаками правового субъекта, или он остается лишь совокупностью данных? Это подводит к проблеме соотношения реальной и виртуальной субъектности.

Противоречие между реальной и виртуальной субъектностью выражается в том, что ЦОС может создаваться как для реально существующих субъектов, так и для вымышленных или синтетических личностей. Соответственно, возникает вопрос, может ли ЦОС быть признан субъектом права или остается лишь объектом правового регулирования.

Разрешение указанных противоречий, на наш взгляд, возможно несколькими путями. Необходимо сформулировать четкое определение ЦОС, которое учитывало бы его правовую природу и отличало от технических понятий. Это позволит интегрировать ЦОС в правовую систему и разработать соответствующие нормы. Для решения проблемы идентификации субъекта в цифровом пространстве необходимо разработать правовые механизмы, которые позволят однозначно связывать ЦОС с реальным субъектом. Важно также предусмотреть меры защиты реальных субъектов от злоупотреблений с их ЦОС, таких как создание синтетических образов. Законодательство должно учитывать как индивидуальные, так и коллективные аспекты ЦОС, а также регулировать использование технологий, связанных с созданием и распространением цифровых образов. Это включает в себя разработку норм, регулирующих использование дипфейков, синтетических голосов и других технологий.

Заключение. Итак, в дискуссии о ЦОС представляется необходимым прежде всего отделить субъекта права от его различных репрезентаций. Слияние (возможно, непреднамеренное) в рамках

одного субъекта представлений не только о нем, но и о субъективных правах, объектах и обязательствах перед другими субъектами затрудняет выявление сущностных черт, получение в чистом виде научного знания, представления о репрезентации субъекта в цифровом пространстве.

Предлагается внутренне непротиворечивое определение ЦОС, сформулированное на основании характерных признаков, и механизмы его защиты, что создает основу для адаптации законодательства к цифровым вызовам: ЦОС — это совокупность цифровых данных, которые идентифицируют и описывают субъекта (физическое лицо, юридическое лицо или публично-правовое образование) в цифровом пространстве, создавая его репрезентацию. ЦОС включает в себя как индивидуальные (например, профили в социальных сетях, электронные письма), так и коллективные данные (например, групповые цифровые профили), которые могут быть использованы для автоматизированного принятия решений, взаимодействия в цифровой среде и формирования онлайн-идентичности. ЦОС не является самостоятельным субъектом права, но представляет собой правовой слепок реального субъекта, который может быть объектом правового регулирования и защиты.

В данном определении учитываются как технические, так и юридические аспекты ЦОС, что позволяет интегрировать его в правовую систему и разработать соответствующие нормы регулирования. Нормативное закрепление понятия ЦОС, безусловно, окажет позитивное влияние на правовое регулирование отношений, возникающих в связи с обработкой данных в информационных системах.

Список источников

1. Демкин В.О. Цифровая личность и цифровой образ человека: характеристика и место понятий в системе смежных категорий // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28, № 3. С. 512–527.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 3.
3. Право цифровой среды / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект, 2022.
4. Пучков В.О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.
5. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
6. Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Lex Russica. 2022. № 12. С. 130–144. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.130-144. EDN: QXXOQM

7. *Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Федотова В.С.* Цифровая грамотность цифровой личности: к вопросу об уточнении понятий. *Инновационные проекты и программы в образовании*, 2020. № 4 (70). С. 47–56. EDN: EUHRRG
8. *Чернышенко И.Г.* Правовая охрана цифрового образа личности // *Законодательство*. 2022. № 4. С. 55–58. EDN: AWEBWR
9. *Петросян Л.А.* Проблемы использования цифрового образа личности в современных правоотношениях. // *Социальное управление*. 2023. Т. 5, вып.2. С. 180–185.
10. *Архипов В.В.* Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // *Закон*. 2022. № 3. С. 58–74. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-58-74. EDN: LNQRTJ
11. *Тищенко В.И.* Цифровое пространство личности // *Труды ИСА РАН*. 2022. Т. 72, вып. 4. С. 51–61. DOI: 10.14357/20790279220406. EDN: ULEUXE
12. *Добрякова Г.Э.* Правовое регулирование игровых механик в метавселенных посредством NFT // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2022. № 8. С. 13–19. EDN: CXFCMG
13. *Канакова А.Е.* Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? // *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8, № 1. С. 126–135. DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-1-126-135. EDN: SJRQYY

Сведения об авторе

ЧИКВИН Анатолий Борисович,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права
Уральского института управления
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия
anatolle@mail.ru

Статья поступила в редакцию
19.02.2024

Одобрена после рецензирования
21.03.2025

Принята к публикации
25.03.2025

The author

Anatolii B. CHIKVIN,
Postgraduate student of the Department
of Theory and History of State and Law,
Ural Institute of Management
of The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Yekaterinburg, Russia
anatolle@mail.ru

The article was submitted
19.02.2024

Approved after reviewing
21.03.2025

Accepted for publication
25.03.2025